

The background of the book cover is a photograph of a city street at sunset. Tall buildings line both sides of the street, and a subway train is visible on the right. The sun is low on the horizon, creating a strong lens flare effect that illuminates the scene with a warm, golden light. A pedestrian bridge is visible in the distance.

16+

Наталья Грамацкая

Быть Человеком

Наталия Грамацкая

Быть Человеком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60130107

SelfPub; 2022

Аннотация

В наш просвещённый век мы так много знаем обо всём и обо всех. Однако, знаем ли мы себя? На этот вопрос герои книги смогли ответить лишь оказавшись в пустыне после падения вертолёта, на котором они надеялись совершить приятное путешествие. Никаких метеокатаклизмов, ни поломок в двигателе, ни ошибки пилота. Был ясный солнечный день, и ничто не предвещало беды.

Наталия Грамацкая

Быть Человеком

Предисловие

Дорогой читатель, цель данного предисловия – помочь вам избежать разочарования и ощущения напрасной траты времени после прочтения. Если вы решили отдохнуть, то эта книга не для вас. В ней мало событий, много диалогов на слишком сложные, слишком серьёзные темы. Возможно, для тех, кто не боится блуждать в лабиринтах человеческого сознания в поисках ответов на вечные вопросы, труд сей окажется не бесполезным.

Глава I

«Всё возвращается на круги своя», и даже самая длинная, самая тёмная ночь заканчивается. Почему? Потому что восходит солнце. Оно приходит ко всем: к ясеню за окном, к одуванчику у его подножья, в синичье гнездо на его ветке. Пришло солнце в этот день и в комнату Максима. Пошелестело занавесками, поскрипело паркетными блоками, коснулось гитарной струны и принялось за уборку. Оно смыло чернильный мрак со ста пятидесяти книг на антресолях, с одной, лежащей на письменном столе и смотрящей в потолок длинным заголовком «Квантовая Электродинамика Фейнмана», с экрана и клавиатуры компьютера, с ночной одноглазой лампы, глядящей тускло и устало; помыло стены, пол,

разбросанные на полу бумажные листы, тетради, носки и многое другое и, наконец, подошло к хозяину комнаты. Он был одет в светлые сатиновые брюки и клетчатую кофту и лежал на коротком диване, поджав ноги. Солнце вздохнуло.

– Опять уснул под утро и снова, не раздеваясь. Ну, разве это сон?

Оно умыло прозрачным, тёплым светом лицо спящего, погладило его стриженную «под ёжик» голову, поцеловало в лоб, затем в нос и включило будильник. Комната наполнилась птичьим щебетом, ворчанием машин, тявканьем собак, тянущих своих зевающих владельцев к влажным от росы газонам. Ресницы Максима вздрогнули. Сквозь этот сливающийся в одну, давно знакомую музыку звон он услышал тихое, ласковое – «С добрым утром, сынок!» – Откуда, из каких неразгаданных, тайных глубин приходил этот голос матери вот уже шестнадцать лет с тех пор, как её не стало, он не знал.

Спустя примерно час Максим сидел за столиком кафе, где спасался уже не раз от голодных колик в животе. Он не нашёл ничего съедобного ни в своём холодильнике, ни на полках кухонных шкафов. Купленный два дня назад «Завтрак туриста» (так он называл весь фаст-фуд) выглядел подозрительно, и Максим решил не рисковать. Он был нужен себе сегодня особенно здоровым, потому что идея, пришедшая ночью требовала быть проверенной. Максим планировал за-

ехать в институт и с рассеянным видом торопливо жевал морковные котлеты с фасолевым соусом, или, быть может, фасолевые с морковным. Он решительно не помнил, что с чем, однако, чувствовал, что то, что он ел, проясняло мало по малу его ещё не проснувшийся разум. Вдруг чья-то рука легла на его плечо.

– Макс, дружище! – Прозвучал низкий, с хрипотцой мужской голос.

Максим вздрогнул от неожиданности и повернул голову в сторону говорящего. Рядом с ним стоял невысокого роста, грузный мужчина, лет сорока – сорока пяти. Его костюм из светлой лёгкой ткани дыбился и холмился, как бы подчёркивая масштабность обладателя его и отрицая все прямые линии и строгие пропорции.

– Не узнаешь? – Полное веснушчатое лицо незнакомца расплылось в добродушной улыбке. – Ну, я не в обиде. Меня многие не узнают! Егора Петрова помнишь?! Однокашника своего?!

Максим почувствовал неловкость. Он пристально посмотрел на мужчину, пытаясь узнать в этом лысом, крупном господине того Егора, которого помнил – худенького юношу, с копной соломенных волос, вечно торчащих на макушке, и наречённого друзьями Великим за исключительный актёрский и режиссёрский успех на сцене школьного театра.

– Выцвел маленько! Знаю! Полысел, потолстел. В общем, солидным стал – Мужчина рассмеялся, издавая глухие, низ-

кие звуки, похожие на раскаты грома. – А в душе я все тот же! – Продолжил он, радостно улыбаясь. – И всё помню, как будто вчера было. Я с твоего позволения присяду. – Он, кряхтя, опустился в кресло. – А я тебя сразу вычислил, хоть ты и спрятался под бородой; с первого взгляда, словно чутьём каким. А ты возмужал. Этакий возрастной шарм приобрел. В общем, похорошел! – Толстый господин посмотрел на Максима долгим умильным взглядом, каким, возможно, мать смотрит на любимое дитя. – А помнишь, как ты помогал мне сдавать зачеты по физике? Если бы не ты, я бы вечным студентом был.

– Прости, не узнал. – Сконфуженно произнес Максим – Столько лет не виделись. Лет двадцать, наверное.

– Больше, – Мужчина ещё более оживился, – а как тебя сюда, на чужбину, занесло? Путешествуешь или?

– Или. – Торопливо прервал его Максим в порыве сдерживать любопытство нежданного гостя, однако, ему это не удалось. Следующий вопрос прилетел, как говорится, прямо в лоб.

– Давно?

– С девяносто второго. – Ответил Максим после небольшой паузы, которая потребовалась ему на осознание, что положение безвыходное. – Сначала получил приглашение читать лекции в стэнфордском университете, потом место научного руководителя лаборатории.

Егор энергично потрянул головой. – Ну, господа капита-

листы знают, что настоящее золото это мозги! В лихие девяностые заграница озолотилась! Дааа. – Облик Егора слегка потускнел, вероятно, от нахлынувших воспоминаний и речь потекла чуть медленнее. – А меня за кордоном никто не ждал, и двери не распахивал. Однако, предки мои нашли лазейку. Мировоззренческий и экономический кризис оказался им не под силу. Мне пришлось подчиниться. Чёрт бы побрал эту перестройку! Пожар, который никто не смог потушить. А ведь в начале он казался мне фейерверком в честь дня рождения свободы! – Егор шумно вздохнул и выразил взглядом нетерпеливое ожидание.

Максим опять замешкался с ответом. Необходимость предаваться воспоминаниям сейчас, когда мозг его требовал движения вперёд, казалась пыткой. Но тут в сознании его проступили знакомые образы: Утро. Он спешит в школу, за окном напрасно кричит соседский петух, который всегда просыпается самым последним, когда будить уже некого. На кухне звенит тарелками мама, а отец помогает ему завязать пионерский галстук.

Сердце сжала тоска. Максим любил отца. Идеалист и патриот, тот долгие годы верил, что и он, и его страна идут верной дорогой. Сначала был среди тех, кто строил то, что названо было социализмом, затем с горечью наблюдал, как бывшие его соратники разваливали построенное, и все последующие и последние годы своей жизни стыдился и того, и другого. Однако, по мнению Максима, отец был виноват

лишь в том, что всегда переоценивал возможности людей. Огромным усилием воли он заставил себя заговорить.

– Люди идут то на Север, то на Юг и всегда с убеждением, что маршрут верный. Это такая игра, правила которой пишут сильные мира сего.

– Верно! Как ты верно сказал! – Воскликнул Егор, хлопнув тяжёлой пятернёй по столу так, что всё стоящее на нём подпрыгнуло. – Мы пешки на шахматной доске. Что мы можем?

– Можем не играть в эту игру. – Прервал его Максим. – Я более не хочу участвовать ни в каких коллективных проектах.

Егор посмотрел на него пристально, то ли пытаясь понять услышанное, то ли досказать то, что тот не желал говорить. Однако, задумчивость его была мимолётной. Взгляд выразил энтузиазм, и словесная река вновь набрала скорость. – Не все коллективные проекты плохи! Помнишь самодеятельность нашу? А, как футбол гоняли? А брюки клёш, и стрижки в стиле Beatles? Ещё скрип перьевых ручек на уроке русского языка и литературы? Что ты улыбаешься? Современные перья так не скрипят, я много их перепробовал. Всё как-то насыщеннее было в те времена, ярче: звуки – благозвучнее, краски – красочнее, друзья – дружнее, женщины – женственнее. Отчего? Неужели только потому, что мы моложе были? Или, быть может, мир выцвел? Как думаешь?

– Вероятно, и то, и другое. – Вялым голосом ответил Мак-

сим. Егор, раскрасневшийся от переполнявших его эмоций, продолжал.

– Итак, ты по-прежнему служишь Его Величеству Физике! Ну, и какие идеи беспокоят твою гениальную голову? Ты, я помню, был непримиримым критиком теории относительности?

Максим посмотрел на часы, испытывая слабую надежду, что намёк его будет понят.

– Ну, же! Какие новости, Макс! – Нетерпеливо повторил Егор.

– Прости, почти не спал сегодня. – Заговорил Максим, краснея. – Эйнштейн гений, однако, это не мешает быть с ним не согласным. Не во всём, конечно; но в части постулатов его я вижу много противоречий.

– Молодец, правильно! – Егор одобрительно кивнул. – Сила авторитета – страшная сила, как монумент с вечным огнём на проезжей части. Подъедет искатель истины, затормозит, цветы возложит и обратно пилит. А ты не сдавайся и голову свою не ругай! Великих людей, Макс, признанных при жизни, раз, два и обчёлся. Мдаа. – Егор запнулся. – Неудачно как-то я мысль свою выразил. Но это неважно! Главное, я в тебя верю! – Он откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди «крестом». – Женат? Дети?

– Нет. – Прервал его Максим тоном, отрицающим не только перечисленное, но и возможность развития данной темы. – Ты, как живёшь? – Добавил он поспешно, укрепляя

обозначенное «нет».

– Я женат вот уже восемь лет, братец. Имею двоих детей! Мальчики – семь и пять лет! Я бы без них со скуки помер! Они, знаешь, как солнечные зайчики! Помнишь, как в детстве? Утром просыпаешься, а потолок и стены твоей комнаты, которые ты видишь каждый день, усыпаны волшебными огоньками! – Егор устремил свой восторженный взгляд к потолку ресторана и выразительно взмахнул рукой.

Максим почувствовал необходимость отреагировать. – А ты по-прежнему – поэт и артист. Я помню, в тебе все видели будущую звезду театра и кино. – Со слабой улыбкой произнёс он.

– Пытался я звездой стать, но жизнь всё отредактировала. Я, Макс, в купцы подался, в деловые люди, так сейчас это называется. Нет! – Воскликнул Егор, ещё более просияв раскрасневшимся лицом. – Ты представляешь? Я в Берг приехал на два дня, и в первый же день тебя встретил! Это удивительно! Это. Это непременно надо отметить! – Егор улыбнулся подошедшему официанту. – Нам, уважаемый, – он, посмотрел на Максима – Ты что предпочитаешь? Водку? Коньяк?

– Сок. – Категоричным тоном произнес Максим и провёл правой ладонью по голове. Этот навязчивый жест он совершал всякий раз, когда на него сваливались неожиданные проблемы.

– Ну, тогда вино, красное сухое. Это же компот! – Егор

выразительно посмотрел на друга, но взгляд Максима, вероятно, убедил его, что уговоры бессмысленны. – Ээх! Под корень рубишь ты меня, старик. – Пробубнил он с расстроенным видом и взял в руки меню. Быстро просмотрев его, Егор устремил на официанта взгляд, полный энтузиазма и решимости. Затем, не спеша, с выражением величайшего удовольствия на лице заказал по меньшей мере наименований восемь – десять. Каждое блюдо называлось им в уменьшительно-ласкательной форме – «огурчики», «блинчики», «винцо», «водочка» и т. д. Огонь, который ещё пять минут назад сиял в серо-зелёных глазах Максима, уже еле теплился. Взгляд его бесцельно блуждал по полупустому залу, по столикам, наряженным в белоснежные скатерти, с бантиками цветов на макушках ожидающих гостей. Наконец, Егор перечислил все, что желал видеть на своем столе. Когда официант удалился, он с облегчением вздохнул, вытащил из кармана большой в синюю клеточку носовой платок и стал усердно вытирать им все части своей большой, лишенной растительности головы.

– Уф. Аж вспотел от волнения. Ресторанное меню для меня – величайшее испытание! Признаюсь, я бы сейчас съел все, что перечислено в этой чудесной книжице! «Бирюльки с яблоками и вишней», «Клортики с сыром»! Это ж надо такое придумать! Ведь как ласкает слух и воображение! – Егор с решительным видом закрыл меню. – Ну его! От греха подальше! – Он посмотрел в ту сторону, куда ушел официант.

Взгляд его выражал крайнюю степень нетерпения. – Вот так всякий раз жду, волнуюсь, потею. Как на первом свидании. Бирюльки с яблоками и вишней. В следующий раз непременно попробую. – Широкое лицо Егора расплылось в улыбке. – Щаас мы с тобой отметим нашу встречу! Зря, Макс, ты от водочки отказался. Зря! Такого удовольствия себя лишаешь! Хорошая водка, она, как хорошая песня, волнует душу, располагает к раздумьям. Я выпить очень люблю. Да, и поесть люблю! Ну, ты это и так заметил. – Он хлопнул себя по объемному животу. – И курю я. – Егор замолчал, глядя восторженным взглядом на ноги проходящей мимо дамы. – И женщин люблю. В общем, – он махнул рукой, – список моих пороков слишком велик. А вот и водочка! И закусочка! – Егор потер ладонь об ладонь, увидев подходящего к столику официанта. – Приступим! – Он наполнил свою рюмку водкой, апельсиновым соком фужер Максима и с сияющим видом произнес. – Спустя два десятка лет, в этом огромном и непредсказуемом мире наши пути пересеклись. Я уверен, что это не случайно! За встречу! – Егор поднес рюмку ко рту, запрокинув голову, решительно вылил всё содержимое и положил в рот пару соленых огурчиков. Затем туда же отправились три блинчика с мясом, два с капустой и два с грибами. Проглотив последний блин, он вытер салфеткой рот и с удивлением посмотрел на Максима, не спеша жующего творог с фруктовым салатом. – Ты мужественный человек, Макс. Ээх! Мне рядом с тобой неловко за свои порочные на-

клонности!.. А, между тем, – в глазах его зажглись лукавые огоньки, – хоть ты и пытаешься отмежеваться от неблагонравного рода людского, именно пороки вдохновляют человека на разного рода подвиги – научные открытия, изобретения. Большинство из них продиктованы элементарной ленью, стремлением облегчить свою жизнь – меньше двигаться, меньше думать. А стремление к власти, к обогащению? Это ж – величайший допинг для человеческого разума!

– Я думаю, ты преувеличиваешь роль, как ты выразился, пороков. – Вяло, без энтузиазма возразил Максим. – Познание, на мой взгляд, прежде всего интересно.

– Я не преувеличиваю, Макс, так как имею в виду в меньшей степени конкретных людей. Я имею в виду общество, которое использует научные открытия и прочие плоды человеческого разума. Кроме того, – Егор поднял указательный палец правой руки, – не забывай, что пороки – главные потребители большей части всего, что производится в современном обществе! Все, что пожирается, пьется, выкуривается, все, что тешит наши нездоровые тела и души, все чрезвычайно востребовано именно благодаря порокам! Они, как ненасытный желудок общественного организма, который постоянно требуя пищи, заставляет это общество «шевелить мозгами», думая о том, чем подавить чувство голода. Результатом этих размышлений и является большинство научных открытий. Так вот, теперь ответ – можно ли прожить без желудка? Для меня лично, – Егор погладил себя по животу. –

Этот вопрос не вызывает сомнений! Мало того, что этот важнейший орган, как показала жизнь, стимулирует умственные способности! Я по себе знаю, что на голодный желудок мне всегда гениальные идеи приходят. Но, самое главное! Желудок этот, слава Богу, не черная дыра! В него вот блинок бросил. И он, этот блинок, не исчез! А отложился в разных местах. Так и пороки, Макс. Прикармливая их, общественный организм получает уйму полезных для него веществ, таких, как деньги, власть. Потому этому организму пороки ой как необходимы! Представь, если они исчезнут! Заглохнет все! Некому будет жрать, пить, курить. Некого будет лечить, развлекать, соблазнять. Ты представляешь? – Егор выразительным взглядом посмотрел на Максима. – Это же бедствие мирового масштаба! Колоссальное количество людей, я думаю, две третьих человечества, останется не у дел! Даже наука потеряет былое значение. И физика, мой друг, не исключение. Чем, скажи, ученые мужи руководствовались, создавая ядерное оружие? Уверен – не любовью к человечеству!

– Физика, Егор, это не только ядерное оружие. Это – бесконечно больше, так что, если случится невероятное, и люди станут разумнее и добрее, то им будет, чем заниматься. – Слабо возразил Максим, испытывая растущее раздражение. Его острый ум, способный кромсать, как нож хлебный мякиш, гранит науки, теперь изнемогал, принуждаемый искать смысл в мире людей.

– И всё-таки, даже твоё «бесконечно больше» это капля в

море! – Егор эмоционально взмахнул рукой и коснулся графина с водкой. Графин покачнулся, но выстоял. – Военная промышленность, вино-водочная, табачная, производство и продажа лекарственных препаратов, индустрия горячих развлечений – игорные заведения, публичные дома и т. д. Вот, где крутятся самые большие деньги, где задействованы самое большое количество человеческих мозгов и рук! А властные структуры, органы правопорядка? В них тоже отпадет необходимость!

– Было бы здорово, – прервал Егора Максим, – но, к сожалению, из области фантастики.

– Возможно. Однако, я не буду так категоричен, как ты. – Егор махнул рукой официанту. – Блинчиков хочу еще, – Сообщил он Максиму. – Блинчиков с мясом, уважаемый! Одну. Нет – две порции! И, как их? – Егор взял в руки меню и стал торопливо листать его. – «Рульки»? «Крульки»? Черт, где же они?.. А вот! «Бирюльки с яблоками и вишней»! – Воскликнул он радостно. – Две порции!.. Попробуем! – Так вот, – С воодушевлением продолжил он, – о чем я хотел сказать?

– Говорил о грядущей массовой безработице. О чем хотел сказать, не знаю.

– Старею, Макс, глупею. – Егор нахмурил брови, пытается сосредоточиться. – О безработице? Ну, да. Только в раю, друг мой, возможна безработица, тотальная и безнадёжная; только там, где есть лишь созидание, где не умеют ломать,

разрушать, вытаптывать, гадить. Там же, где граждане не лишены этих талантов, работа всегда найдётся. Один выкапывает яму, другой тут же её закапывает, и оба счастливы! А Бентом, уважаемый английский философ, между прочим, считал, что в справедливом государстве должен соблюдаться принцип наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов. Кстати, что такое «большее счастье, меньшее». Как его измерить? В чём? В граммах, килограммах? – Егор проткнул вилкой кусок свиной отбивной, поднял его, покрутил перед носом, а затем устремил оценивающий взгляд в тарелку Максима. – Без всяких сомнений, моё счастье в настоящий момент больше твоего. Что ты скажешь на этот счёт?

– Каждому своё. – Ответил Максим, переводя рассеянный взгляд со стола, перегруженного тарелками на Егора, а затем обратно. – Массовые кровавые зрелища в древнем Риме (гладиаторские бои, казни, пытки, кормление диких животных живыми людьми) пользовались большой популярностью и собирали огромное количество людей. Вероятно, эти развлечения приумножали их счастье.

– Ух. – Егор, морщась, положил вилку. – Не порти мне аппетит. – Дремучие времена. Кривые идеалы. Говорят, мы похорошели. Потребность в массовых кровавых зрелищах теперь удовлетворяет кинематограф, СМИ, индустрии развлечений для детей и подростков. Поразительный прогресс, можно сказать, триумф фундаментальных человеческих ценностей! – Глаза Егора заискрились лукавым све-

том. – Думаешь, я циник и возвышенное мне чуждо? Может, ты и прав. Только те, кому это возвышенное, как они считают, доступно, тоже обычные люди. Даже великанам человеческой мысли до истины не дотянуться. Вот, к примеру, великий британский мыслитель Джон Стюарт Миль был убеждён, что лучше быть недовольным человеком, чем счастливой свиньёй. Лично у меня это высказывание вызывает только вопросы. Что значит «быть человеком» и чем он более ценен для мира и его творца? – Егор положил в тарелку Максима блинчик. – Попробуй, не пожалеешь.

– Спасибо. – Максим с обречённым видом вонзил вилку в блин, уже не мечтая о скором высвобождении из крепких объятий реальности в лице Егора.

– А я, друг мой, осмелюсь предположить, что тот, кого называли богом, намеренно ставит перед нашим братом недостижимые цели. Он дал нам неукротимый аппетит ко всему, способность обглодать и отравить своими отходами всю вселенную, а во владения – всего-то одну планету. Вот и вечный двигатель для человеческих мозгов, вот и мечта освоить под пастбища и огороды – галактики, а под сливные ямы – чёрные дыры. Но это так – для разбега. Главная недостижимая цель растущих человеческих амбиций – вечная и счастливая жизнь. Почему недостижимая? Потому что творец знает, что жизнь может быть счастливой. Он знает, что и вечная жизнь также возможна для человека разумного. А вот счастливой вечной жизни быть не может. Таким образом, –

Егор посмотрел на Максима пристально. – Я тебя не утомил своей болтовней?

– Нет. – Максим запнулся. – Правда, мне ещё на работу заехать надо.

– Работа подождёт. – Перебил его Егор. – Мы столько не виделись, друг! Какая работа?! Так вот, – продолжил он. – Получается, как видишь, идём мы все туда, не знаем куда, чтобы найти то, что в природе не существует. Даже господь не сможет создать треугольник с четырьмя углами. – Егор на минуту задумался, глядя куда-то в сторону. – А, черт с ними, с этими углами! Давай лучше поговорим о женщинах. – Смотри, какая барышня! Какое тело! – Он причмокнул губами и кивнул в сторону пышнотелой блондинки за соседним столиком. Девушка, которая до сих пор сидела со скучающим видом, периодически отправляя в свой ярко очерченный красной помадой рот пирожные и запивая их шампанским, заметно оживилась. Она поправила причёску и кокетливо посмотрела на Максима. – Нет, ты видел? – Прошептал Егор. – Она на меня даже не взглянула. Все внимание – только тебе! Хочешь, я приглашу ее за наш столик?

– О, не надо. – Максим нахмурился и стал с сосредоточенным видом исследовать содержимое своей тарелки.

– Почему! – Прошипел Егор.

– Понимаешь. Дамы подобного рода – не для меня. Я не знаю, о чем говорить с ними. В общем, их внутренний мир, их интересы мне не доступны. – Он посмотрел на Егора ис-

подлюбья. И. И – хватит об этом!

– Ладно, ладно. Не горячись. Не хочешь девушку, не надо. – Лицо Егора приняло серьезное выражение. – А жаль! – Добавил он, продолжая наблюдать за блондинкой. Та с разочарованным видом встала и, покачивая бедрами, медленно поплыла к выходу. – Жаль! – Повторил он, когда девушка исчезла из виду. – Теперь я понимаю, почему ты, Макс, не женат! Ты же ищешь иголку в стоге сена! Рассуждаешь, как писатель-лирик. В человеке, мол, все должно быть прекрасно, и тело, и душа, и мысли. Так, или примерно так, не помню, но суть я выразил. Должно – это не значит, что есть на самом деле! Прекрасные и тело, и душа, и мысли – сочетание, с моей точки зрения, ну просто фантастически редкое! Так что, не трать время, дружище! Выбирай себе обычную земную женщину, женись. И, вообще, научись идти на компромиссы со своими принципами, подстраиваться. Пойми, это часть борьбы за существование! Ты же учёный! Должен понимать: мы все плывём на одном корабле. Рискованное путешествие, но надо как-то выживать. – Тут Егор замолчал. Лицо его стало преображаться на глазах. Это было подобно рассвету. Казалось, засияло все – глаза, улыбка, покрытые выступившей испариной лоб и макушка. – А вот и бирюльки с блинками! – Воскликнул он и стал торопливо прилаживать салфетку под подбородок. – Советую тебе сделать то же самое, чтобы не испортить рубашку. Посмотри, какой сочный продукт эти бирюльки! Спасибо, любезный, спасибо! –

Егор посмотрел на официанта с благодарностью. – Спускайся, Макс, с небес на землю, женись, ешь бирюльки. В общем, наслаждайся жизнью, такой, какая есть. Другой ведь не будет! – Он наклонился над тарелкой, раздувая ноздри и шумно вдыхая ароматное облако пара. Его нос, похожий на парашют, завис в сантиметре от золотистого, лоснящегося от масла кургана. – Сейчас мы их попробуем! – Осторожно захватив большим и указательным пальцами правой руки нечто, напоминающее маленький рулетик, Егор бросил его в свой большой рот. – Уух, ых. Тают! Просто тают во рту! Даже жевать не надо! – Он облизал губы и отправил в рот уже не один, а три рулетика, затем еще три. – Ради этого, Макс, стоит жить! – Произнес он осипшим голосом. – Да, да! Именно так, я не преувеличиваю. Стоит жить. Вот из таких, или примерно таких маленьких радостей складывается большое счастье. Вижу, ты не согласен со мной, а жаль. – Тут Егор поднял брови. – Слушай, друг! Я заметил очень интересную деталь! Совершенно случайно! Слова «Максималист» и «Максим» – однокоренные существительные! Твое имя, Макс, отражает твою суть! Тебе нужно все, или ничего! И в этом – твоя беда. Потому ты и не женился до сих пор. Ты только не обижайся! – Егор посмотрел на Максима виноватым взглядом. – Я от души это говорю, искренне.

Максим кисло улыбнулся. – Очень рад за тебя, но у каждого – свой рецепт счастья.

– Понимаю, к чему ты клонишь. – Усмехнулся Егор, на-

полняя рюмку водкой. – Человек никогда не будет идеальным. Порочность – такая же обязательная деталь его неотразимого образа, как, к примеру, нос и уши. Однако, я думаю, по этому поводу не стоит расстраиваться! Давно замечено, что люди, принимающие окружающий мир таким, какой он есть, не тратящие время на поиск истины, более счастливы. Они понимают, что мир этот несовершенен, не ждут от людей того, что они не могут им дать, не занимаются самоедством, не раздумывают о смысле жизни. Просто живут! Рожают детей, добывают хлеб насущный, грешат по мере необходимости. Я не буду предлагать тебе грешить, но попытаться принять мир таким, какой он есть, не отгораживаться от него стеной. Признаюсь, меня тоже когда-то мучили вопросы: почему, да зачем. Однако, я скоро понял, что от мудрствования до безумия один шаг. За твоё здоровье! – Егор с воодушевлением проглотил содержимое рюмки.

Максим неожиданно для себя зевнул. Смутившись и краснея, он тут же попытался исправить положение и с энтузиазмом включился в диалог. – Быть может, жить, не думая, проще, но ведь способность мыслить как раз и отличает человека от животных. Не пользоваться, не развивать эту способность – значит, деградировать.

– Какая деградация? – С трудом проговорил Егор, активно работая челюстями. – Попробуй салат. Непременно! Чудо, как хорош!.. Так вот. О деградации. Я с тобой, Максим, в корне не согласен! Какая деградация? Человек – часть жи-

вотного мира, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И потому не надо пытаться из курицы делать Жарптицу! Человек был животным и остается им. Но беда не в этом. – Егор зачерпнул ложкой салат и, слегка растеряв содержимое по дороге от тарелки ко рту, доставил его по назначению. – Беда в том, что создатель наш не подумал, подарив разум одному из представителей уважаемого мною мира животных. Животное живет в гармонии с окружающим миром и с самим собой. Его возможности позволяют ему брать у природы лишь малость. Но эта малость – есть идеал, вершина, абсолютно недоступная для могущественного Человека Разумного, а жаль! Жаль потому, что именно эта малость – есть оптимум, дающий возможность всему живому сосуществовать, сохраняя равновесие. Человека не ругать, а жалеть надо! Он, друг мой, жертва эксперимента, животное, изуродованное разумом! Говорю я все это, между прочим, без иронии, потому что, я – не мартышка из басни Крылова, которая, смотря на собственное изображение в зеркале, всячески его поносит. Я есть такой же статистически средний человек, в общем, обычный представитель своего семейства, смесь инстинктов и разума. В общем – такой, как все! И потому к своим собратьям отношусь с пониманием.

– Ты считаешь, нам лучше было бы появиться на свет обезьянами? – с иронией в голосе спросил Максим.

– А что? – Егор поднял брови. – Тебе кажется образ обезьяны менее привлекательным, чем образ человека? А ты

представь. Сидели бы мы с тобой сейчас на свежем воздухе, где-нибудь в первозданном лесу, жевали бы экологически чистые фрукты и беседовали бы не о пороках, Макс, нет! А, к примеру о том, какой чудесный был сегодня рассвет. Ты когда последний раз любовался рассветом?

– Не помню. – Признался Максим.

– Не помнишь! И я не помню. На первый взгляд, мы с тобой – два абсолютно разных человека. Но, тем не менее, между нами – много общего. Мы забыли о своих корнях. Работа, «бабки», вот, чем заняты наши головы и души. Нам не до рассветов и закатов! Ладно, хватит о грустном! – Егор махнул рукой, наполнил рюмку и вопросительно посмотрел на Максима. – За что же выпьем?.. За Адама и Еву! За прародителей наших! – Он привычным движением лишил рюмку ее содержимого и зажмурился – Хорошо. Как хорошо. Все поет внутри, и песня просится наружу. «Ямщик, не гони лошадей.» – запел Егор сочным басом. Глаза Максима округлились.

– Ш-ш-ш – зашипел он, озираясь по сторонам и краснея.

– Жаль. – Егор тряхнул головой. – Ты думаешь, я пьян? Я никогда не бываю пьян. Ладно, концерт отменяется. Продолжим дискуссию! На чем я остановился? На Адаме и Еве!.. Все мы – дети своих родителей. И все – божьи дети, говорят, созданные по образу и подобию. – Егор вскинул брови, как будто что-то неожиданно вспомнив. – Не поверишь! В детстве я был худеньким, подвижным и очень любознатель-

ным. Я всё сложное пытался разделить на множество простого. Этакий редукционизм проявлял – резал мамины платья и отцовские штаны, разбивал цветочные вазы, протыкал шины (и свои, и чужие). А, знаешь, кем я хотел быть? Ни космонавтом, ни учёным, а дедом Морозом, чтобы каждый день дарить себе и всем нуждающимся подарки. Но потом я передумал, вероятно, прикинув, что одного мешка конфет и игрушек всем не хватит, и решил стать п'опом (я тогда так всех святых отцов называл). Представляешь, как я легко расколол сложное на простое, рассмотрев наиболее прибыльное в то время дело для решения подарочного вопроса. Вот так я огорчал свою любимую матушку. А вообще, я себе пятилетний очень симпатичен. Я был свободнее, смелее, мудрее, наконец. Я верил, что найду ответы на все мои вопросы, и находил! Мне кажется, этот пацан по-прежнему живёт во мне. Где-то очень-очень глубоко. Я с ним часто разговариваю. А, может, это и есть душа? То, что все время не дает мне покоя, главный мой критик, собеседник и друг. То, что, как те бурлаки на Волге, тянет меня – этакую баржу, перегруженную всякой дрянью, вперед, из тьмы к свету и не теряет надежды вытянуть. – Егор вдруг смутился и покраснел, как подросток. – Ух, заболтался я с тобой, аж устал. – Он вытер салфеткой лоб, взглянул на часы и воскликнул так громко, что люди за соседними столиками с тревогой посмотрели в его сторону. – Двенадцать часов! У меня же через полчаса деловая встреча! Какой же я осел! – Махнув рукой, он стал

торопливо наматывать спагетти на вилку. – Макс, дружище, заговорил он с трудом в перерывах между жеванием. – Сегодня я подписываю очень важный для меня договор, а завтра. Завтра я хочу отметить это событие. Маленький банкет в маленькой компании! С тобой – четверо человек. Я очень хочу, чтобы ты пришел! Очень! – Повторил он, заметив выражение досады на лице Максима. – Не говори мне, что ты занят! Завтра воскресенье. Встреча будет здесь же. Местечко уютное, а повара – просто волшебники! Ты обязан прийти. – Егор вновь посмотрел на часы. – Все. Пора. Опаздываю. – Он вытер ладонью рот, похлопал себя по карманам пиджака и брюк; нащупав кошелек, с трудом извлек его и вытащил пачку смятых денежных купюр. Покопавшись в ней и рассыпав на стол не меньше половины денежных знаков, Егор, наконец, нашел то, что искал. – Этого хватит с лихвой. – Произнес он слегка осипшим голосом и шлепнул две стодолларовые купюры на стол. Затем сгреб в кулак деньги, разбросанные по столу, и резким движением руки запихнул их обратно в кошелек. – Не забудь, завтра в полдень. – Красное от волнений и спешки лицо Егора приняло строгое выражение. – Я буду ждать. Ну, все. Полетел. Взлетал Егор, кряхтя и тяжело дыша. Оторвавшись от стула, он вышел на взлетную полосу между столиками и полетел в направлении выхода медленно, но уверенно.

Прошло минут пять, Егор уже исчез из вида, а Максим все сидел неподвижно, устремив ничего невидящие глаза в на-

правления выхода. Мысль о том, что он будет вынужден завтра убивать время в компании незнакомых ему людей сверлила его воспалённый от бессонницы и переживаний мозг. Он был тем человеком, о ком обычно говорят «нелюдимый»: и не то, чтобы не любил людей, и не то, чтобы любил. Слишком занят был и для того, и для другого. Чувствуя себя раздавленным неожиданно свалившимися на него событиями, он не только ничего не видел, но и не слышал. Его неподвижный, подавленный вид привлек внимание официанта. Тот подошел к Максиму и, заглянув в его глаза, с тревогой в голосе спросил, все ли у него в порядке. Максим вздрогнул от неожиданности. – Все хорошо. Спасибо. – Ответил он, смутившись, и огляделся по сторонам. Сориентировавшись в пространстве, вытащил из бокового кармана куртки бумажник, положил на стол деньги и чаевые и быстрым шагом пошел к выходу. Его состояние в этот момент напоминало состояние человека, пережившего ураган. Такой хаос был в его голове, планах на сегодняшний, завтрашний и все последующие дни.

Глава II

Когда без трех минут двенадцать следующего дня Максим переступил порог уже знакомого нам кафе, длинная цепочка из цифр и неопределённых величин уже не помещалась в его голове. Он почувствовал необходимость воспользоваться блокнотом и уже было опустил правую руку в задний карман брюк, как не только увидел, но и услышал своего дру-

га. Тот сидел за столиком в обществе мужчины и женщины и что-то громко рассказывал, эмоционально жестикулируя. Увидев Максима, Егор обрадовался, как ребенок, и, как ребенок, выразил свою радость искренне и шумно.

– Макс, дружище, как я счастлив, что ты пришел! – Выкрикнул он во всю мощь своих голосовых связок, после чего Максим почувствовал себя в центре всеобщего внимания. На него смотрели не только друзья Егора, но и все присутствующие.

Это было подобно падению с небес на землю. Максим испытал чувство, которое посещало его обычно в многолюдных местах: смесь сильной усталости и безысходности, как перед тяжёлой работой, которую он должен был выполнить. Мир людей давно воспринимался им, как скучное шоу, а он вынужден был часть жизни проводить в зрительном зале.

– Мы только что говорили о тебе! Я вчера в спешке забыл взять твой номер телефона и сутки волновался, не зная придешь ты или нет. Ну ты молодчина, что пришел! – Егор хлопнул Максима по плечу. – Представлять тебя не буду. Я уже успел все рассказать. Все, что знал. Теперь представлю своих друзей! – Егор перевел свой сияющий взгляд на мужчину. – Это Жорж Гринбер, владелец сети крупнейших аптек, носящих его светлейшее имя. «Гринбер-Мед», ты наверняка слышал о них, Макс! Он богатейший человек, известный меценат и мой коллега по бизнесу! Как говориться, прошу любить и жаловать!

Мужчина встал и, улыбнувшись очень выразительной, белозубой улыбкой, подал Максиму руку. – Рад с вами познакомиться. – Произнес он приятным баритоном.

Максим поднял уголки рта и ответил коротким рукопожатием. Мужчина, вероятно, хотел сказать еще что-то и уже открыл рот, издав первые звуки, но густой бас Егора заглушил его.

– А это – Надежда Белик, прекрасный доктор, заместитель главного врача госпиталя при Монастыре Св. Марии и добрейшей души человек! – Егор с восхищением взирал на девушку. Та покраснела и взглянула на него с укором. Слова Егора явно смутили ее. Однако, смущение было заметно лишь несколько секунд. Она улыбнулась доброй улыбкой. Максим ответил кивком головы и поспешно отвел взгляд, думая лишь о том, как бы побыстрее занять свое место.

– Устраивайся, – Пробасил Егор, вероятно заметив замешательство друга. – А я тем временем наполню бокальчики! По многочисленным просьбам присутствующих и, к моему величайшему сожалению, мы сегодня будем пить лишь шампанское и вино. – С трагическим выражением лица сообщил он.

Пока Егор наполнял бокалы и хвалил ресторан, Максим смог более внимательно рассмотреть своих новых знакомых. Мужчина был спортивного телосложения брюнет, лет тридцати восьми, красивый какой-то исключительно правильной красотой. Добротный костюм, галантные манеры обрамляли

эту красоту, как дорогая оправа – алмаз на пальце его руки. Максим, испытав ощущение чего-то слишком насыщенного, слишком перегруженного деталями, взглянул на женщину. Она произвела на него прямо противоположное впечатление. В её внешности преобладало то, что принято называть обыкновенным, что, как правило, поправляют гримом, украшают яркими одеждами. Однако, она, как было видно, не делала ни того, ни другого. Напротив, казалось, стремилась подчеркнуть свою "обыкновенность". Возможно, именно это вызвало у Максима желание всмотреться в неё. Ему показалось, что ей было не более тридцати лет. Его взгляд скользнул по её каштановым волосам, собранным сзади, по светло-кофейной гамме мягкого платья и вдруг споткнулся. Карие, опущенные густыми черными ресницами глаза девушки улыбнулись ему и засияли тихим, тёплым светом. Он смутился, и тут, как спасение, перед ним возник образ Егора. Его широкое лицо выглядело еще шире от растянутой от уха до уха улыбки.

– Тебе, друг мой, с горкой, так сказать, от души! – Егор развел руками, наблюдая, как пенящееся шампанское из бокала Максима выливается на скатерть. – Отхлебни! Отхлебни скорей! А я тем временем тост скажу. Первым с вашего позволения. – Он подарил по цветущему взгляду каждому из присутствующих. – Признаюсь вам, друзья, сегодня мне всё кажется особенным. Утром меня разбудил не вопль будильника, а чириканье какой-то нежной птахи. Проснувшись, я

был свеж, как юноша. Выйдя из дому, ничего не забыл. Цветы в саду сегодня пахли не цветами, а вишнёвым вареньем, которое мне варила в детстве моя матушка, а солнце в небе было ну точь-в точь, как золотистый оладушек!

– Ты, видно, очень голоден был, Егорушка. – Сияя здоровьем и радостью, произнёс красивый брюнет.

– Как поэтично! – Перебила его девушка, представленная Егором как Надежда Белик. – Голос её был негромким, интонации мягкими, потому её вступление в разговор никому не показалось несвоевременным, в том числе и говорившему. – Чудесная картина, изумительные образы!

– Спасибо, Наденька. Выходит, хоть и не Пришвин я, и не Мамин-Сибиряк, но чувство прекрасного мне не чуждо. – Он с добродушной улыбкой посмотрел на Жоржа. – И всё-таки день сегодня особенный! Я счастлив, что все мы сейчас собрались за этим столом – коллеги, бывшие одноклассники, в общем, – друзья! Я хочу выпить за дружбу. Дружба, как любовь, источник сил, вдохновения и успеха! Без нее жизнь наша была бы. все равно, что шампанское без газа. В общем, нечто, негодное к употреблению. Ах, – тут Егор изогнул брови в гримасе грусти, – моя ностальгия по прошлому пахнет антоновскими яблоками, которые мы воровали в колхозном саду. Вернее, таскал яблоки я, а Макс пытался наставить меня на путь истинный. – Он посмотрел на Максима, но тот, вероятно, не найдя, что ответить, молчал. – Егор на секунду задумался, а затем продолжил. – Ну, я не буду, пожалуй, ис-

пытывать ваше и свое терпение длинными тостами. За дружбу! – Он поднял бокал, при этом изрядно расплескав его содержимое себе на пиджак, и большими глотками с жадностью проглотил все, что в нем осталось. Затем с задумчивым видом осторожно опустил хрупкую емкость на место. Лицо его сморщилось, в результате чего нос приобрел вид печеной картофелины средних размеров.

– Приятное шампанское, – произнёс Жорж, – и тост замечательный! А моя ностальгия имеет особый запах – смесь ладана, каких-то волшебных бальзамов, масел и чада от церковной свечи. Им окутано всё моё детство. С тех пор, как семья моя покинула Россию, я нигде больше не встречал его. Это было чудесное время, но воспоминания о нём вызывают грусть, а я не люблю грустить.

– Какая тоска. – Подумал Максим обречённо, тщетно пытаясь восстановить потерянную цепочку из цифр и знаков.

– Я редко оглядываюсь назад. – Продолжал Жорж. Люблю пить настоящее, наслаждаясь, по каплям, не мучаясь воспоминаниями, ни о чём не сожалея.

– Мда. – Промычал Егор, и по большому лицу его разлилась плутовская улыбка, как варенье по поверхности блина, лежащего на одной из многочисленных тарелок, стоящих перед ним. – Неосмотрительно, на мой взгляд. Забывший о прошлом человек рискует заблудиться, забыть, кто он, откуда и куда идёт. Амнезия, так, по-моему, это называется.

– Человек меняется. Мне порой кажется, что в прошлом

был не я. Бледный, слабый отрок, ведомый сверстниками, школой, родителями. Сейчас я веду других. – На лице Жоржа блеснула горделивая улыбка. – Воспоминания об ушедшем, утерянном – ненужный груз. С ним тяжело подниматься в гору. "Сожаления о прошлом – одна из ловушек, ворующих счастье." – Так говорил мудрый Ошо.

– Счастливики. А я всё тащу на себе. Столько всякой тяжести в голове и на сердце. Вершина мне не светит. – Егор посмотрел на Максима. – А что ты думаешь по этому поводу, Макс?

Максим услышал своё имя, как будто издалека. Он посмотрел на сидящих за столом так, как смотрит только что разбуженный человек. Его неясный взор заставил Егора повторить вопрос. – Мы хотим знать, что говорят учёные о прошлом и настоящем.

Возникшая пауза и обращённые взгляды соседей по столу окончательно прояснили сознание Максима и понимание, что дальше молчать нельзя, заставило его найти наиболее оптимальное решение, то есть сказать что-то и одновременно ничего по существу темы разговора, который он не слышал. – Настоящее. А его нет. Нет, потому что время – величина непрерывная. Поставить точку в нём невозможно. Если верить Эйнштейну, всё происходит вечно. Прошрое, настоящее – не более, чем иллюзии, продукт ограниченного человеческого сознания. – Произнёс он быстро и обратил на Егора угрюмый взгляд, как бы давая понять, что продолже-

ния не будет.

– Всё происходит вечно. – Повторила вдруг Надя. – Как потрясающе просто и гениально. – Девушка смотрела на Максима с восхищением. – Это значит, я напрасно порой грущу о прошлом. Оно не исчезло. Оно есть, как город, в котором я родилась и покинула очень давно.

– Формулы Ньютона, Кулона, Дальтона, так или примерно так. Не помню. А, как вы думаете, быть может в будущем появиться и формула человеческой души? – В глазах Жоржа сверкнули искорки иронии, но он тут же погасил их любезной улыбкой.

– Мне кажется, – ответил Максим, нехотя, – что понять человека намного сложнее, чем найти решение даже самой сложной задачи. Даже понять самих себя удаётся немногим.

– Там, где наука бессильна, может помочь Библия. – Всё также любезно улыбаясь, добавил Жорж. – Я прочёл много книг, но ни одной не перечитал, потому что слишком много ещё не прочитано, а времени мало. Однако, к Библии возвращаюсь каждый день.

– Ты, знаешь, как я уважаю твой оптимизм. Очень уважаю, но не разделяю. – Пробасил Егор, пополняя содержимое своей тарелки. Взгляд его выражал восторг и нетерпение.

– Ты знаешь, как я вследствие этого сочувствую тебе. – Жорж сделал паузу и добавил. – «Иди за мной, если хочешь быть совершенным.» Я верю тому, кто это сказал.

– Пойти, конечно, можно. Отчего не пойти? Но возможно ли уйти от себя? Не думаю, что человек когда-нибудь сможет быть свободен от самого себя.

– А ты не обобщай. Ты больше думай о своих грехах, а не о мировых. – Жорж заправил салфетку за белоснежный воротник рубашки, всмотрелся в источающее горячий ароматный пар кулинарное сооружение перед ним и принялся не спешно работать в нём ножом и вилкой.

– И будут все святы? И будут любить друг друга? И не будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни униженных? – Егор оглядел сидящих за столом, как бы приглашая к разговору. – Человек, свободный от себя самого, то есть от порабощения собственной плоти, это уже не человек. Это – бог. Ну, зачем этому миру миллиарды богов? Вот вы все наверняка слышали, что дети, оказавшиеся в силу каких-либо обстоятельств вне человеческого общества в первые четыре-шесть лет жизни и выросшие среди диких животных, навсегда теряют способность стать людьми. Выходит, наше животное «Я» есть наше ядро, так сказать, базис; а значит, более ценно для создателя. Но, что в этом случае вся прочая надстройка? Ошибка эволюции, взорвавшая земной рай? Интересно, бог может допустить ошибку? – Тут он поднял брови и прикрыл рот своей огромной пятернёй с толстыми короткими пальцами. – Простите, друзья, мне мою несдержанность мыслей. Это шампанское виновато. Это – яд для меня и я, вероятно, теряю остатки разума.

Жорж дружелюбно улыбнулся. – Несвободный от себя человек это голодный человек. Его надо накормить хлебом, знаниями, и всё получится.

– Не думаю. – Пробасил Егор, – Папа Григорий 9, создавший святую инквизицию, я уверен, был сыт и образован. Однако, с его высочайшего позволения усердиями монахов только в Англии было казнено около тысячи женщин, которых предварительно зверски пытали.

– Нравственные уроды, к сожалению, периодически появляются в любых сферах общества, не только в религии. В политике, к примеру, их гораздо больше.

– Верно. Но, кто из них страдал от недоедания, необразованности? Вот вопрос. – Егор смущённо взглянул на Надежду и Максима. – Простите мне мои разглагольствования. Я, наверное, выгляжу, как упрямый осёл.

– Ты выглядишь, как Егор. – Перебил его Жорж, сверкнув белоснежной улыбкой. – Как Егор, с которым мне интересно порой пофилософствовать, и я не теряю надежды наставить тебя на путь истинный.

– Встать на путь истинный для меня намного сложнее, чем даже найти ответы на роящиеся в моей голове вопросы. Вот, к примеру, – глаза Егора плутовски заискрились. – В так называемых детях «Маугли», о которых я уже говорил, больше животного чем человеческого. Так кого же создал бог (или эволюция – как хотите, так и называйте творца)? Почему всё, что делает человека – человеком, так непрочно – здоровье

нашего разума, души? – Он с искренней и какой-то виноватой улыбкой посмотрел на Надю. – Что Вы скажете на это, доктор?

Девушка посмотрела в глаза Егора, тонкие брови её слегка приподнялись и лицо приняло растерянное выражение. – Я могу сообщить лишь то, что известно науке, да и вам, я уверена. Человек – общественное создание. Для развития отделов его мозга, ответственных за высшую нервную деятельность, нужны специфические стимулы, которые возникают в процессе общения между людьми. В любом организме развивается лишь то, что востребовано. – Она замолчала на несколько секунд, задумчиво глядя перед собой, затем, улыбнувшись, заговорила вновь. – То, что обеспечивает особые способности человека, подобно слабому огню, зажжённому в мозге новорождённого. Если не поддержать его вовремя, он потухнет. Да, к сожалению, так бывает. – Надя обвела глазами всех сидящих за столом, словно пытаясь удостовериться, что то, что она говорит, понятно. Вероятно, увиденное вселило в неё уверенность, и она продолжила. – Доказано, что не только абсолютная изоляция разрушительна для ребёнка, но и недостаток внимания, заботы, помощи в получении необходимых навыков и знаний. В результате возникает неспособность мозга контролировать поведение. Напротив, то, что востребовано, будет успешно развиваться. Например, центры агрессии. Они есть у каждого человека и являются плодом многовековой борьбы за ресурсы, которую

вели наши предки. Насилие и стресс на ранних этапах жизни делают более чувствительными эти взрывоопасные участки мозга. Однако, агрессия не неизбежна. В мире, где не будет стимулов, вызывающих потенциал действия в центрах, ответственном за страх и враждебное поведение, не будет агрессии. Мир добра и любви станет реальностью.

В этот момент в плавное течение её речи ворвался голос Егора, как шум моторной лодки, в утреннюю тишину у реки.

– Выходит, чтобы создать идеального человека, необходимо сначала построить рай? Но кто будет его строить? Грешники?

Надя кивнула ему, глаза её смотрели тепло и дружески. – Понятие идеального сложно. Думаю, стоит начать с лучшего. Необходимо создать лучшие, насколько это возможно, условия. Окружить маленького человека любовью, заботой, научить его заботиться о других, дать всестороннее образование, научить мыслить свободно. Я верю, что создать гармоничного человека реально. Для решения этой задачи есть и силы, и средства, и мудрые учителя. Необходимо время.

– Прекрасно! – Воскликнул Егор, всем своим крупным существом выражая необычайный энтузиазм. – Это значит, некто подарил нам огонь, а мы должны научиться им пользоваться. За это необходимо выпить! – Он с нежностью посмотрел на стоящую перед ним бутылку вина, затем осторожно охватил её могучей правой кистью и поднял над столом, как знамя. – За гармоничного человека! За тех, кто бу-

дет воздвигать рай для наших детей, за вас, Наденька! – Он задумался, затем махнул рукой, поднял свой бокал и, не спеша, смакуя каждый глоток, выпил все и вытряс последние капли.

– «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». – процитировал Жорж, устремив на Надю чёрный, сияющий осторожной нежностью взгляд. – И я верю в этот рай.

– Молодец, – пробубнил Егор, закусывая выпитое, – но учти, это будет демократический рай для всех – и верующих, и атеистов. Я не перееду в него без Макса.

Жорж с любопытством взглянул на Максима. – Вы атеист? Возникла пауза. Максим молчал, глядя в тарелку. Уши его покраснели. Возможно, это случилось от смущения, которое он обычно испытывал в кругу незнакомых ему людей, но вероятнее всего, от раздражения, которое росло в нём, как снежный ком. Он уже было собрался открыть рот, чтобы сказать, что верует давно и преданно в Деда Мороза, как, переводя глаза с тарелки на Жоржа вдруг встретился с глазами Нади. Взгляд её, полный сосредоточенного внимания и доверия, смутил Максима, и он заговорил совсем не о том, что хотел мгновение назад. – Концепция бога, как и множество других современных моделей реальности, не может быть ни подтверждена, ни опровергнута. Абсолютные знания о сознании и материи невозможны для человека, любые попытки обобщить всю информацию и подвести под один знамена-

тель подобны гаданию на кофейной гуще. Любая концепция реальности может быть полезна лишь в определённой сфере.

Жорж посмотрел на Максима пристально, вероятно, пытаясь вникнуть в услышанное. – Близорукость не грех, – наконец, произнёс он, учтиво улыбаясь, – но, если мы что-то не видим, это не значит, что оно не существует. Однако, мне очень интересно, какую картину мира видите вы?

– Я вижу, что человек – самый опасный враг и миру, и себе, а религия есть попытка человека спастись от себя самого.

– И опять я с вами согласен! – Воодушевляясь, подхватил высказанную мысль Жорж. – Христовы заповеди – вечные нравственные ценности – единственный путь к спасению!

– Нормы морали, которые проповедовал Христос, к сожалению, не могут быть нормой для людей. – Возразил Максим, не понимая, зачем он это сделал. Данный разговор не представлял для него ровно никакого интереса, но он словно боялся обмануть ожидания устремлённых на него глаз девушки. – Универсальное сознание – утопия. В этом мире нет более неопределённых и запутанных понятий, чем добро и зло.

Жорж кивнул головой. – Господь – учитель наш. Достичь его высот не дано никому. Но он дарит нам возможность учиться. Несомненно, постичь науку его по силам не всем, для этого необходимы, как в любой учёбе, не только ум, но и трудолюбие, и старание.

– Думаю, этого будет совсем недостаточно. – Вновь возра-

зил Максим. – Можно желать стать, к примеру, художником, но никогда не осуществить своего желания, вследствие отсутствия таланта. Чтобы следовать библейским заповедям, надо иметь в душе нечто, созвучное этим жизненным принципам. Уверен, что самый доступный и самый понятный для людей – язык закона. Уберите полицию, и в мире наступит хаос. Относительный порядок, к которому мы привыкли, держится в основном на страхе наказания. Он, как каркас, поддерживающий неустойчивое сооружение из множества фрагментов, сверху припудренных, прилизанных, подкрашенных для привлекательности, но не способных держаться самостоятельно. Уберите каркас – и все рухнет. Никакие религиозные учения не спасут.

– Согласен. – Вступил в разговор Егор. – Единственно верный и действенный метод воспитания Человека Разумного – это метод «Кнута и пряника». Кстати, и Большинство религий не брезгует им. Будешь хорошо себя вести – попадешь в рай! Ну, а если – нет, гореть тебе в аду!

– Если вы помните, – перебил с улыбкой Жорж, – христианству – более двух тысяч лет! Почему, скажите, люди верят в сказку?

– По разным причинам. – Вновь вступил в разговор Максим. – Кто-то – от неуверенности в собственных силах, от неспособности самостоятельно отвечать за свои поступки, от страха перед настоящим и будущим, кто-то, так сказать, на всякий случай. И лишь немногие – от того, что христианство

отвечает их сути, их внутренней потребности жить по законам добра.

Лицо Жоржа выразило недоумение. – Какая разница, каким путем люди приходят к вере? Главное – результат!

– Я думаю, это важно. Так как идеалы, которые не отвечают сути человека, легко предаются при необходимости. Обмениваются на то, что действительно представляет ценность для него – деньги, власть, слава, жизнь. Для таких «верующих» вера – красивая смирительная рубашка, которую можно снять в любой момент. Закон же – это дубинка, от которой в реальной жизни никуда не деться.

Жорж, откинувшись на спинку стула, внимательно смотрел на Максима. – "Имеющий веру – имеет всё и ничего потерять не может." – Процитировал он. – Вы любите Тургенева?

– Я уверен лишь в том, что могу понять, что является фактом, доказанным наукой или временем.

– Ну, а что думаете вы, Надя? – Жорж с надеждой посмотрел на девушку.

– Я считаю бессмысленным этот спор. В книге жизни каждый читает то, что видит. Строки о Христе для меня – лучшее, что я прочла. Эволюция человеческой души, социальная эволюция только набирают скорость. Я верю, что мир будущего, новый мир, будет построен из вечных добрых истин.

– Эволюция биологического вида, породившая человека разумного, остановилась на этом знаменательном событии. –

Не глядя на Надю, раздражённо заговорил Максим. В этот раз его раздражение было обращено на себя самого. Он не мог понять, зачем ввязался дискуссию и всё-таки продолжал. – С тех пор эволюционировали общественные законы, область знаний, однако, человек остался прежним. Человеку не преодолеть притяжение его биологической животной сущности, не стать тем, что рисует его оптимистичное воображение. Если ему удастся хотя бы в целях самосохранения умерить свой аппетит, отказаться от ориентиров на роскошь и изобилие, у человечества появиться шанс выжить. Сейчас такого шанса нет.

– Да. – Произнес Егор с озадаченным видом. – Задел ты меня за живое своими разговорами об излишествах. Вон сколько на мне лишнего висит! Пора на хлеб и воду. А тебе, Жорж, – В глазах Егора заискрились смешинки. – Тебе надобно сменить имидж – костюмчик попроще, жильё поскромнее. Мудрость, сходящая свыше скромна. Так, если мне не изменяет память, говорил святой Иаков.

– В тебе погибает великий артист. Твоё призвание – сцена. – Жорж хрустнул длинными белыми пальцами. – Люди не могут быть равны абсолютно во всем, потому что Бог создал их разными, наделив разными способностями. А разные способности дают разные возможности. Не всё ли равно, сколько стоит мой костюм, или, сколько у меня домов. Главное – я делаю то, что многие сделать не в состоянии, как я уже говорил, в силу разных способностей. Быть может, кто-то заме-

чательно метет дворы, но он за всю свою жизнь не заработает столько, сколько я уже перечислил на различные благотворительные цели. Да, моё состояние – около пяти миллиардов долларов. Я люблю дорогие вещи. Но, что лучше? Гладить по головке и делиться последними центами, или, как я оказывать существенную, ощутимую помощь? Надо, я думаю, спросить тех, кому я даю работу, кто получает от меня материальную помощь. Да, движение к успеху идёт в жесткой борьбе. Если я буду жалеть всех, кто плетётся сзади меня, я никогда не буду первым. Однако, это, отнюдь не противоречит моей вере, так как я не только сам двигаюсь вперёд, я помогаю обществу двигаться в том же направлении. И именно это добро, это – благо для людей. Я, отбросив сантименты, буду идти впереди успешным и богатым, а, так называемые, добрые и чувствительные в это время будут звенеть центами и топтаться в хвосте, вежливо уступая друг другу дорогу. Кроме того, я не согласен, что ориентиры на роскошь – это дурно. Почему? Если я в состоянии позволить себе иметь красивые дорогие вещи, почему я должен довольствоваться примитивом только потому, что кто-то не умеет, или не хочет зарабатывать деньги? И еще – Жорж сделал паузу и многозначительно посмотрел на Максима. – Хочу напомнить, что эксперименты с уравниловкой уже были. Результаты их известны.

– Вы меня неправильно поняли. – Сдержанно возразил Максим. – Равенство, братство, труд на общее благо и т. д. –

все эти понятия звучат красиво, но они не совместимы с человеческой природой. Человек – система, запрограммированная на потребление. Но, если этот процесс не контролировать, человек съест себя сам.

На лице Жоржа возникло выражение иронии. – Извините, но пока в ваших рассуждениях звучат только лозунги. Как практически можно осуществить ваши идеи?

– У меня нет готовых рецептов. Да и изобретать их мне не интересно. – В голосе Максима зазвучали жёсткие ноты. – Каждый должен заниматься своим делом. Я лишь убеждён, что человека изменить нельзя, но его можно увлечь. Ненасытная человеческая природа постоянно требует новых ощущений. Потому на смену классической музыке приходит тяжёлый рок, классической живописи – разного рода «измы» – сюрреализм, футуризм, кубизм.

– Вы считаете, что религия, как средство воздействия на сознание людей, устарела, и нужна новая философия, некий «изм», основанный на равенстве, но не коммунизм? – Возразил Жорж, заметно нервничая. – Вы, несомненно, умный человек, но, честно говоря, ваши высказывания меня просто шокируют. Религия – старый дедовский метод. Состоятельность – порок. Превозносите бедность и серость. Наденька, ну а вы, что думаете по этому поводу?

Девушка посмотрела на него, затем на Максима и заговорила негромко, не спеша, осторожно, словно пытаясь затушить разгорающийся словесный пожар. – Я уверена, что реш-

лигия устареть не может. Это философия. Принимать её или нет – выбор каждого. Однако, культ денег, культ роскоши заставляют забывать человека о вечных ценностях. Максим прав. Эти идеалы калечат сознание людей. Когда мы говорим о физическом здоровье, мы проповедуем умеренность и рациональность. Но, думая о теле, не стоит забывать о душе, о том, что для ее здоровья необходимо соблюдать те же принципы – умеренность и рациональность. Это золотые правила жизни, в природе выживает лишь тот, кто соблюдает их.

– Умеренность и рациональность это здорово! Я за умеренность в еде, питье и прочих подобных удовольствиях. Ну, а как же быть с красотой? – В глазах Жоржа вспыхнул огонёк иронии. – Она не может быть умеренной и рациональной, потому что все, что умеренно это середина, это, так сказать, посредственно. Красота это всегда вершина! Стекло не может быть красивее бриллианта, а железо привлекательнее, чем золото. Что будут делать в вашем умеренном и рациональном мире те, кто любит красоту?

– Понятие красоты относительно. – Ответила Надя. – Иногда то, что кого-то приводит в восторг, другому не приносит радости. Но в большинстве случаев это понятие формируется в человеке под воздействием общества, в котором он живет. Для многих красиво то, что общепринято считать красивым. Кроме того, как все в нашем мире, красота имеет денежную оценку. И потому, опять же в силу общепринятых представлений, для очень многих людей обладание краси-

выми вещами, украшениями есть способ подчеркнуть свой материальный достаток, свое превосходство над другими. К сожалению, последнее приносит большее удовольствие, чем сама вещь, к сожалению, эквивалентом счастья для многих в нашем обществе считается богатство. Я убеждена, что, если человеку не навязывать уродливых идеалов, не создавать у него комплекс неполноценности потому, что он не может их достичь, не превращать его жизнь в бесконечную гонку за богатством, то он сможет находить радость в красоте естественной, той красоте, которая нас окружает, которую подарил нам Бог.

– Ну, а как быть с теми, кому недостаточно красоты естественной, для кого рамки умеренности и рациональности будут подобны прутьям клетки? – Не сдавался Жорж.

Надя пожала плечами – Пожалуйста. Если человеку нужен шик и он может себе его позволить – пусть. Только на него надо смотреть не с восхищением и завистью, как сейчас, а с сожалением, как на человека, отставшего от жизни, живущего устаревшими понятиями о красоте и счастье. Нужны другие идеалы, другие стандарты, другая шкала ценностей, не привязанная к деньгам.

– Наденька! – Жорж развел руками. – Но это, извините, наивные рассуждения. Миром правят рыночные отношения, а вы предлагаете забыть о деньгах!

– Я прекрасно понимаю, что рыночные отношения исчезнут не скоро. – ответила Надя. – Я говорю о том, что сейчас

все измеряется в деньгах, в том числе и значимость человека. В нашем обществе богатые люди более известны, чем деятели науки и культуры. Их жизнь обсуждается в прессе, на телевидении. В центре всеобщего внимания все, от размеров состояния – до стоимости нижнего белья. На мой взгляд, когда человек совершенно бессмысленно тратит огромные суммы денег, зная о том, что многие люди не могут позволить себе самое необходимое, это не только свидетельствует о его проблемах с совестью, но и о порочности общественных законов.

Егор поперхнулся, торопливо вытащил из кармана брюк большой носовой платок и, протирая капли пота, выступившие на побагровевшем лице, произнёс. – А, говорят, женщины – слабый пол. Ты ещё жив, Жорж? Доктор выписал нам лекарства: умеренность и рациональность – ежедневно, до и после еды.

– Идеи, несомненно, замечательные. – Жорж подарил нежную улыбку Наде и ироничную – Егору. – Если бы они еще были выполнимы. Чудесная музыка, Наденька! Пойдемте, потанцуем. – Он встал из-за стола, элегантный, стильный, подошел к девушке и галантно подал ей руку. Она посмотрела на него с мольбой, видимо, намереваясь отказаться. Однако, Жорж опередил её, добавив категорично-шутливым тоном. – Возражения не принимаются. Отказом Вы нанесёте непоправимый вред моему здоровью. Надя покорно последовала за ним.

– Эх! – Вздыхнул Егор. – Почему ты, Макс, не пригласил Наденьку? Валенок ты!

– Ну, какой из меня танцор? К тому же мне пора идти. – Максим привстал, однако Егор остановил его порыв, решительно водрузив на его плечо свою массивную руку.

– Не торопись. Ещё несколько минут. – Произнёс он заплетающимся языком. – Я, вероятно, выглядел шутком, ты прости. Моя беспокойная голова не даёт покоя языку. Я пытаюсь понять правду не от мира сего. – Егор потер ладонями виски. – А теперь эта голова разболелась. Пойду прогуляюсь. – Он, кряхтя поднялся.

– Тебя проводить?

– Что меня провожать? Я же – не девушка! Ты лучше за девушками ухаживай. – Проворчал Егор и неуверенной походкой отправился к выходу.

Максим вновь посмотрел на часы. Было без 5 минут три. Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться и спланировать оставшуюся часть дня. Вскоре раздались знакомые шаркающие шаги. – Спишь? – Егор, кряхтя, погрузил своё тело в кресло.

– Думаю. – Вяло ответил Максим. – Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно. Освежился, облегчился. – Егор вздохнул и посмотрел на танцующих. – Милая барышня. Славная, очень славная, к тому же, умница. Да, ты это и сам заметил. Представь, родители ее – довольно состоятельные люди, но она

живет отдельно и очень скромно. В госпитале работает, может проводить там не только весь день, но и ночь. Больные ее боготворят. Говорят, что ее слова помогают больше, чем лекарства. Советую тебе к ней присмотреться.

– Спасибо за совет, – категорическим тоном прервал его Максим, – но, думаю, он мне никогда не пригодится.

– Никогда не говори – «Никогда». Помнишь ты эту мудрую фразу?.. А вот и наши голуби возвращаются.

– Спасибо, Наденька, – Сказал Жорж, подойдя к столу. Он склонил голову, изящными движениями помог девушке сесть на ее место, затем присел сам. – Я только что рассказывал Наде о своем загородном доме, и мне пришла в голову замечательная мысль. Я решил пригласить всех вас в гости. Как говорить, лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать.

– Превосходная идея! – Воскликнул Егор без раздумий. – Еще одна возможность побыть в исключительно приятной компании! Правда, Макс? – Он решительным движением пододвинул к себе тарелку со спагетти, предназначавшуюся для Максима, намотал макароны на вилку и понес ее ко рту.

– Я не смогу. У меня – конференция через три дня, мне нужно подготовиться.

Рука Егора остановилась. С минуту он молчал, глядя на Максима, словно пытаясь понять услышанное. Наконец, вздохнул, положил вилку в тарелку и, покачивая головой, с обидой во взгляде и голосе заговорил, растягивая слова. –

Нуу, не ожидааал, не ожидааал. Не видел друга почти вечность, и – наа тебе.

– Мы вернёмся часам к двум. Я тоже буду занят во второй половине дня. – Включился в разговор Жорж. – Так что, всё наверстаете.

– Верно! – Егор выразительно посмотрел на Максима. – Всё возможно, если очень хочется! Тебе ведь хочется ещё раз побыть в приятной компании?

– Убедил. – Ответил Максим поспешно, чувствуя на себе пристальный взгляд Надежды Белик и опять краснея.

– В общем, не дам я тебе покоя, Макс! – Прогремел Егор с сияющим лицом. – Во сколько едем, друзья?

– Не едем, а летим! Мой коттедж находится в двухсот километров от города. Это немалое расстояние удобнее преодолеть по воздуху. Мы полетим на вертолете. Я сам поведу его. – Жорж сделал паузу. Его взор выражал восторг и ожидание.

– А почему – не на воздушном шаре? – Егор изобразил недоумение. – По-моему, очень романтично.

– Потому что воздушного шара у меня нет, а вертолеты есть. Два – у здания моей компании, один – в моем загородном поместье. Наденька, как вы относитесь к мистике?

– В вашем доме водятся привидения? – С наигранным беспокойством спросила Надя.

– В моем доме – нет. – Жорж обвел всех сидящих за столом интригующим взглядом. – А вот, в окрестностях, бли-

жайших и отдаленных, я не раз наблюдал загадочные явления.

– Летающие тарелки? – С искренним любопытством спросил Егор. – Как тебя угораздило угодить в такую глухомань, где представители инопланетных цивилизаций встречаются, как я понимаю чаще, чем наши братья земляне?

– Я намеренно построил дом в отдаленном от города месте. Я устаю от постоянного присутствия чужих людей вокруг меня. Репортеры, чиновники разных мастей, клиенты. Иногда хочется побыть одному, спрятаться от чужих глаз, побыть с друзьями, в маленькой, приятной компании, как сейчас. – Жорж вновь взглянул на Надю. – Я покажу вам множество замечательных мест! В общем, яркие впечатления гарантирую! Завтра в десять утра я предлагаю встретиться у главного входа моей компании.

– Прекрасно! Давайте выпьем за наше путешествие! – Заявил решительным голосом Егор. – Надя, попробуйте вино! Оно значительно лучше апельсинового сока.

– Нет-нет, я, к сожалению, должна идти. – Девушка посмотрела на Максима, затем на Жоржа, – Спасибо за приятную встречу. Спасибо вам, Егор.

– До завтра, Надя! Обязательно возьмите леденцы в дорогу, чтоб не укачало в вертолете. И – фотоаппарат. Будем фотографировать инопланетян!

– Непременно.

– Я провожу! – Жорж торопливо поднялся со стула. – Как

раз, расскажу, куда подъехать.

После ухода Нади мужская компания распалась. Оказалось, что Жорж спешил к своей матушке. Максим уехал домой готовиться к конференции. Егор, поскучав еще около полчаса в одиночестве, уехал в гостиницу и улегся спать.

Глава III

Этот воскресный день был совсем не хуже субботнего. Солнце тщательно помыло и приукрасило всё проснувшееся на столько, на сколько это было возможно, потому это всё казалось похорошевшим, и ничто никому, как говорится, не резало глаз. Даже мусор, брошенный свободолобивыми гражданами и носимый ветром то туда, то сюда, выглядел почти естественным и неизбежным способом их самовыражения. Однако, Максим не заметил этих перемен к лучшему, так как очень спешил. Он не любил опаздывать. Подъехав без пяти минут десять к офису компании Жоржа, он уже собирался выйти из машины, но вдруг мимо бокового окна промелькнул чей-то силуэт. Это была Надя. Максим увидел ее со спины, но узнал сразу. Она была в брючном костюме бежевого цвета и светлой кепке. Он вышел из машины и пошел вслед за девушкой. В первую секунду Максим думал окликнуть ее, но почему-то не решился. Он следовал за ней и испытывал неловкость от собственной неловкости, от того, что, как ему казалось, он выглядел глупо. Потому Максим испытывал облегчение, почти что радость, когда на каменно-стеклянном фоне парадного входа обозначился Жорж, сверкаю-

щий белизной сорочки, брюк, обуви и улыбки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.